

В. В. Лапаева⁶**ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА
(В контексте перспектив глобального мироустройства)**

Проблематика национального суверенитета занимает одно из центральных мест в политико-правовом и философско-правовом дискурсах, которые получили распространение в интеллектуальных кругах Запада в течение нескольких последних десятилетий. В российском обществоведении эта проблема до недавнего времени оставалась преимущественно сферой узкопрофессиональных интересов специалистов в области

международного права⁷. Однако события на Украине показали, что недостаточное внимание к разработке современной концепции национального суверенитета и участию России в деятельности системы институтов, формирующих позицию мирового сообщества по данному вопросу, чревато серьезными последствиями. Продвижение Россией своей точки зрения на дипломатическом уровне во многом зависит от того, какая теоретическая (прежде всего философско-правовая) концепция составляет ее основу, в какой мере данная концепция способна подняться над партикулярными национальными интересами и вписаться в правовую модель миропорядка, насколько она убедительна для специалистов и широкой аудитории и как эффективно использует страна существующие каналы влияния на позицию мирового экспертного сообщества и международную общественность.

Одним из таких каналов являются международные научные форумы. Лихаческие чтения, объединяющие специалистов самого разного профиля, — это идеальная площадка для обсуждения вопросов национального суверенитета, которые требуют для своего анализа

⁶ Советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Член редколлегии журнала «Социологические исследования», Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии РФ. Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

⁷ Ситуация несколько сдвинулась с мертвой точки после того, как в 2004 году журнал «Россия в глобальной политике» опубликовал статью председателя Конституционного Суда В. Д. Зорькина «Апология Вестфальской системы» (точнее — через два года, когда «Российская газета» организовала ее обсуждение).

объединения усилий философов, политологов, юристов, культурологов, социологов, экономистов и т. д. Подобный комплексный анализ нужен прежде всего для того, чтобы *выработать многоаспектную систему критериев, позволяющих оценивать конкурирующие концепции национального суверенитета с точки зрения их тяготения к правовому или силовому варианту формирования мирового порядка*. Разработка такой системы критериев требует надлежащего философско-правового обоснования, потому что речь в конечном счете идет о различении, с одной стороны, *права как равной меры свободы*, а с другой — *силы как произвола*, подавляющего свободу более слабых.

Россия, утратившая статус сверхдержавы, остро заинтересована в правовом, а не силовом варианте общемирового развития. Причем в правовом по сути, а не только по форме (когда формально-договорная сторона отношений является лишь фасадом, за которым скрывается баланс экономических и военных сил, а в конечном счете — ядерный паритет сверхдержав). Именно такой подход демонстрирует министр иностранных дел С. Лавров, когда говорит об объективной необходимости формирования полицентричного демократического мироустройства. К этому призывают сейчас и ведущие интеллектуалы из либерально-демократического фланга мировой философской мысли. Более того, мало кто из них открыто спорит с подобным подходом, отстаивая силовую модель мирового порядка. Однако предлагаемые при этом концепции государственного суверенитета содержат весьма значимые различия, из которых на практике могут сложиться разные, в том числе и силовые, модели мироустройства.

Это относится прежде всего к популярной сейчас доктрине ограничения суверенитета, согласно которой государства делегируют часть своего суверенитета надгосударственным институтам. За подобными идеями, подчеркивает В. Д. Зорькин, «отчетливо просматривается проект формирования такого единого наднационального политического органа, который призван создать свою правовую систему, осуществляя правотворчество и правоприменение»¹. Проблема заключается в том, что даже в том случае, если наднациональное политическое объединение народов будет выстроено по модели федеративной всемирной республики в духе кантовского проекта, подобной республике, как пишет Ю. Хабермас, будет «присуща «непреодолимая склонность» вырождаться в «универсальную монархию», стремящуюся деспотично «способствовать сглаживанию культурных и общественных различий»².

Поэтому, как считает В. Д. Зорькин, речь должна идти не об ограничении суверенитета, а об объединении суверенитетов. Именно на основе такой *концепции объединенных суверенитетов*, подчеркивает он, и создавалась в свое время Организация Объединенных Наций. В период биполярного мира и холодной войны данная концепция не была и не могла быть реализована. Вместо этого пошли по пути *ограниченного суве-*

ренитета для всех государств, кроме великих держав, ставших центрами двух полярных моделей социально-экономического развития и соответствующих политических блоков. В ситуации жесткой конфронтации СССР и США у всех остальных стран «просто не было другой возможности, кроме как стать союзниками той или иной стороны, то есть передать часть своего суверенитета в Москву или Вашингтон»³. В таких условиях мировой порядок ялтинско-потсдамской системы — «это был мир ограниченного суверенитета»⁴.

Подобная модель суверенитета неадекватна правовому вектору развития международных отношений, направление которого задано движением *от силовой модели мироустройства*, когда всей полнотой суверенитета обладали лишь великие державы, а суверенитет всех остальных в той или иной мере был ограничен, *к правовой модели*, когда «на государственность и суверенитет претендуют почти все нации, включая малые. Но это реализуемо лишь в форме правового суверенитета... (на основе всеобщих принципов права... признания прав человека, прав малых наций и т. д.)»⁵. Такая мода на свое маленькое государство, писал В. С. Нерсесянц, хотя на первый взгляд и «выглядит как признак дезинтеграции, однако по существу это необходимое проявление *современных тенденций к правовому суверенитету и правовой интеграции*»⁶. С позиций концепции объединенных суверенитетов речь идет о добровольном объединении суверенитетов, в рамках которого силами наднациональных структур гарантируется равная свобода каждого государства. Такая теоретическая конструкция означает ограничение не суверенитета государства, а *произвола* сильных государств и «переход от прежнего силового, произвольного суверенитета к правовой концепции и конструкции суверенитета»⁷.

На первый взгляд может показаться, что различия между концепциями *ограничения* и *объединения* суверенитетов носят несущественный для практики, сугубо терминологический характер, поскольку в реальности речь идет об одном и том же — о передаче государствами части своих полномочий на наднациональный уровень. Однако исторический опыт показывает, что в этом ключевом для миропорядка вопросе любые теоретические нюансы имеют далеко идущие практические последствия. Признание государствами концепции ограниченности государственного суверенитета ослабляет их возможности в отстаивании своего суверенитета на концептуальном уровне, а практика со свойственной ей изощренностью найдет пути использования этой теоретической слабости. Можно говорить о том, что различия между концепциями *ограничения* и *объединения* суверенитетов соответствуют двум разным подходам к построению модели глобального мироустройства, один из которых ориентирован на космополитическое демократическое *правитель-*

³ Кортунюв С. Становление нового мирового порядка и проблемы международной безопасности : учебник для вузов. URL: hse.ru/data/2010/03/12...КортунювГлава в учебник.doc.

⁴ Там же.

⁵ Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М., 2006. С. 641.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 640.

¹ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 247.

² Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 118.

ство (government), а другой — на глобальное демократическое *правление* (governance).

В настоящее время об ограничении суверенитета говорят приверженцы самых разных моделей миропорядка. Например, этот термин использует в своих работах даже такой последовательный сторонник либерально-демократического подхода, как Ю. Хабермас, полагающий, что возможна политико-правовая конструкция, при которой народы независимых государств ограничивают свой суверенитет в пользу союзного центра¹, не утрачивая при этом свою идентичность и культурное своеобразие. Поэтому для оценки правового или силового характера предлагаемых моделей глобального регулирования и соответствующих им концепций национального суверенитета нужны тонкие теоретические инструменты. В связи с этим хочу еще раз подчеркнуть, что в рамках комплексного междисциплинарного анализа рассматриваемой проблемы каждая научная дисциплина должна предложить свои критерии, которые могли бы быть согласованы с критериями других наук на базе общего философско-правового подхода. Отсюда следует *исключительная важность философско-правового и теоретико-правового анализа проблемы*. Не претендуя на такой анализ, хочу обозначить лишь наиболее значимые позиции.

В огромном массиве философско-правовых исследований проблемы государственного суверенитета обращают на себя внимание несколько ярких дискуссий, участники которых являются основоположниками влиятельных направлений в осмыслении рассматриваемой проблемы. Прежде всего это спор между Гегелем и Кантом. Гегель не принял кантовский проект правового союза свободных государств как гаранту вечного мира, развивал силовую концепцию государственного суверенитета и считал, что «если известное число государств и сольется в одну семью, то этот союз в качестве индивидуальности должен будет сотворить противоположность и породить врага»². Однако стройность гегелевских построений разбивается о современные реалии, когда любая широкомасштабная война грозит атомной катастрофой общепланетарного масштаба. В этой ситуации кантовский романтический утопизм оказывается более практичным и конструктивным.

Два других выдающихся оппонента, чья дискуссия сейчас вновь привлекает широкое внимание, — это Г. Кельзен, отстаивавший безусловный приоритет международного права, и К. Шмитт, которого называют «Гоббсом XX века». Хотя после Второй мировой войны практика международных и глобальных отно-

шений развивается в русле кельзеновского подхода, однако с разрушением биполярного мира становится все более востребованной шмиттовская концепция полицентричного мира, формирующегося на базе «больших пространств»³. Особый интерес представляет его глубокий анализ тех опасностей, которые несут в себе идеи универсалистского мирового права, вырождающиеся в обоснование правовой и политической гегемонии западных демократий. Однако предлагаемый им мировой порядок, основанный на балансе сил между «большими пространствами», каждое из которых формируется вокруг рейха как структуры, объединяющей народы на базе не только пространственного, но и политического единства, не выдерживает испытания практикой. Эта модель не вписывается в ситуацию, когда такие рейхи, выступающие в качестве носителей противоборствующих политических идей, обладают ядерным оружием.

Это означает, что при всей утопичности и романтичности проекта общепланетарного консенсуса, на который ориентирована теория делиберативной демократии, другого варианта не существует. Поэтому концепцию национального суверенитета надо выработать в русле именно этой парадигмы. И здесь очень важны концептуальные детали и нюансы формулировок, предлагаемых разными авторами.

Показательна в этом плане дискуссия между Ю. Хабермасом и Д. Ролзом по вопросу принятия решения о начале войны против так называемых криминальных государств. Д. Ролз предлагает классифицировать человечество на «хорошо организованные либеральные общества», «хорошо организованные нелиберальные общества» и «тиранические и диктаторские режимы», которые не могут рассматриваться как члены «хорошо установленного рационального сообщества народов»⁴. Хорошо организованные общества, выстраивающие свое взаимодействие на основе права, по отношению к «захватническим “режимам вне закона”» находятся в доправовом, естественном состоянии и вправе объявлять подобным режимам войну⁵. Ю. Хабермас же довольно резко выступает против присвоения «либеральному авангарду сообщества государств» права вершить судьбы остальных и призывает к максимально возможному демократическому мультилогу. Смысл правового процесса, говорит он, состоит в том, чтобы «привязать наднациональные решения к условиям взаимного принятия перспективных планов и учета интересов»⁶. Этот правовой по своей сути подход задает, на мой взгляд, главный вектор решения рассматриваемой проблемы.

³ Шмитт К. Порядок больших пространств. URL: www.zlev.ru

⁴ Ролз Д. Право народов : лекция // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 79–105. URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view...

⁵ Там же.

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 95.

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 117.

² Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 361.